

* [=Смирнов А. П.] Сроки скорби и памяти об умершем: [Памяти Императора Александра III] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 73—84 (2-я пагин.).

Сроки скорби и памяти объ умершемъ.

Надъ умершимъ пролей слезы я, какъ бы подвергшійся жестокому несчастію, начини плачь... Горькій да будетъ плачь и рыданіе теплое, и продолжи сѣтованіе о немъ, по достоинству его, день или два, для избѣжанія осужденія, — и тогда утѣшься отъ печали... Съ упокоеніемъ умершаго успокой и память о немъ, и утѣшься о немъ по исходѣ души его. (Сир. XXXVIII; 16—23).

Ветхозавѣтный мудрецъ, давшій такой практической совѣтъ относительно сроковъ выраженія печали и памяти объ умершемъ, приводитъ даже и основанія для такого совѣта. Не предавай, говоритъ онъ, сердца своего печали; отдаляй ее отъ себя... и ему (умершему) ты не принесешь пользы, а себѣ повредишь. (20—21).

Другой мудрецъ поясняетъ: при сердечной скорби духъ унываетъ. (Притч. Сол. XV; 13). А унылый духъ сушитъ кости. (XXVII; 22). По всему этому, по совѣту мудрецовъ, продолжи сѣтованіе день или два... и тогда утѣшься отъ печали. Съ упокоеніемъ умершаго успокой и память о немъ.

Но жизнь дѣйствительная, вѣроятно, никогда не подчинялась такой сухой и точной даже до опредѣленія числа дней мѣркѣ. Холодный расчетъ (=по достоинству, для избѣжанія осужденія) ума безсиленъ укоротить или удлинить жизнь теплаго чувства. И священные историки, конечно не безъ достаточныхъ причинъ, сами ясно показываютъ намъ различныя степени напряженности чувства и различной оцѣнки жестокости несчастія, постигавшаго когда-либо народъ еврейскій въ смерти того или иного царственного лица.

Равные по достоинству внѣшнему, какъ бы перстни на правой рукѣ Іеговы (Іер. XXII; 24), — эти лица не завоевывали себѣ у народа одинаковыхъ симпатій. Отсюда, чувствуя вообще жестокость несчастія въ смерти того или иного правящаго лица, народъ никакъ не руководился ука-

заннимъ срокомъ Сираха—сѣтовать по умершемъ день или два—хотя бы болѣе продолжительная печаль и сушила его кости. Срокъ народной скорби, болѣе или менѣе продолжительной, указывала уже такъ сказать сама свѣжая могила.

„Почилъ одинъ (Иосафать) съ отцами своими, и былъ погребенъ съ отцами своими въ городѣ Давида, отца своего“ (3. Ц. XXII; 50. 2 Пар. XXI; I).

Умирали другіе; но ихъ (Иоса) хотя и „похоронили въ городѣ Давидовомъ, но не похоронили въ царскихъ гробницахъ“ (2 Пар. XXIV; 25); „похоронили въ городѣ, въ Іерусалимѣ (Ахаза), но не внесли въ гробницы царей Израилевыхъ“. (XXVIII; 27).

Третій (Аса) „почилъ съ отцами своими... и похоронили его въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ городѣ Давидовомъ; и положили его на одрѣ, который наполнили благовоніями и разными искусственными мастями, и сожгли ихъ для него великое множество“. (XVI; 14).

Вотъ еще записъ историка; „онъ (Іорамъ) умеръ... и не сжегъ для него народъ его благовоній, какъ дѣлалъ то для отцовъ его... Отошелъ не оплаканный, и похоронили его въ городѣ Давидовомъ, но не въ царскихъ гробницахъ“. (XXI; 19—20).

Что могло быть грустнѣе этихъ безмолвныхъ царскихъ похоронъ?

Но было еще худшее; не только не оплакивали: „увы, государь! увы, его величіе!“—но „погребали погребеніемъ ослинымъ“... „Вытащили его (Іоакима) и бросили далеко за ворота Іерусалима (Іер. XXII; 18 — 19), такъ что трупъ его былъ оставленъ на зной дневной и на холодъ ночной“. (XXXVI; 30). Правда, позднѣйшій историкъ ослабляетъ нѣсколько тягостное впечатлѣніе, какое получается при чтеніи пророка Іереміи. Писатель книги Царствъ говоритъ, что „почилъ Іоакимъ съ отцами своими (4 Ц. XXIV; 6), а авторъ Паралипоменонъ, повторяя слова писателя раннѣйшаго указываетъ даже (LXX передаютъ и то и другое извѣстіе) и мѣсто его погребенія: и почилъ Іоакимъ съ отцами своими, и погребенъ былъ въ Ганозанѣ съ отцами своими“ (2 Пар. XXXVI; 8) ¹⁾.

¹⁾ Темна трагическая судьба этого Іудейскаго царя. Неужели народъ

Не замѣчаетъ ли читатель большаго различія въ выраженіяхъ историковъ,— говорятъ ли они о пышныхъ и сердечныхъ похоронахъ Асы, или о формально-холодныхъ Іорама? Не будемъ класть въ счетъ бѣднаго Іоакима, который въ тѣ вѣка изощреннѣйшаго варварства раздѣлилъ посмертное поруганіе съ какимъ то царемъ Едомскимъ, кости котораго Моавъ пережегъ въ извѣсть. (Амоса II; 1). Но несмотря на болѣе или менѣе успокоительныя слова священнаго историка о погребеніи нашего царя въ какомъ-то неизвѣстномъ намъ Ганозанѣ, мы не можемъ забыть и грознаго пророческаго слова Іереміи объ ослиномъ погребеніи.

А не прошло еще двѣнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался отецъ (Іосія) этого несчастнаго царя іудейскаго и священный историкъ записывалъ: „умеръ онъ, и похороненъ въ гробницахъ отцовъ своихъ. И вся Іудея и Іерусалимъ оплакали Іосію. Оплакалъ Іосію и Іеремія въ пѣсни плачевной; и говорили всѣ пѣвцы и пѣвицы объ Іосіи въ плачевныхъ пѣсняхъ своихъ, извѣстныхъ до сего дня, и передали ихъ въ употребленіе у Израиля; и вотъ онѣ вписаны въ книгу плачевныхъ пѣсней“. (2 Пар. XXXV; 24—25). Неожиданная кончина государя, въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ павшаго на стражѣ сохраненія интересовъ своей земли,— государя такъ много обѣщавшаго впереди по своей предприимчивости и энергіи, а въ прожитомъ уже оставившаго для исторіи“ дѣянія и добродѣтели свои, согласныя съ предписаннымъ въ законѣ Господнемъ“ (ст. 26) — это великое несчастіе такъ потрясло всю страну въ 609-мъ году до Р. Хр., что одинъ изъ послѣднихъ послѣднѣйшихъ пророковъ могъ передать позднѣйшему читателю живое впечатлѣніе народа при вѣсти о былой потерѣ и перенести такого читателя

какъ бы онъ ни былъ недоволенъ его правленіемъ, могъ предать крайнему поруганію—ослиному погребенію—своего Давидита? Но какъ же согласить слово пророческое и запись историка? Возможны два предположенія. Возможно, что Іоакимъ палъ въ битвѣ съ полчищами Халдеевъ, Сиріянъ, Моавитянъ и др. и эти враги Іуды предали павшаго царя ей жестокому поруганію и лишь послѣ нашествія онъ погребенъ былъ въ Ганазанѣ. (Ср. 4 Ц. XXI; 26). Но возможно и то, что похороненный здѣсь, можетъ быть вмѣстѣ съ Манассією и Аммономъ, (4 Ц. XXI; 18, 26), по взятіи Іерусалима Навуходоносоромъ онъ, какъ измѣнникъ, былъ выброшенъ за городъ на зной дневной и на холодъ ночной.

въ сферу событій довольно давняго времени. Намъ брѣвѣе написать картину довольно отдаленнаго будущаго, пророкъ беретъ краски для нея изъ довольно отдаленнаго прошлаго времени смерти Іосіа. Но эти краски еще нисколько не выцвѣли отъ времени: „рыдали о немъ, какъ рыдаютъ объ единородномъ сынѣ и скорбѣли, какъ скорбятъ о первенцѣ. Въ тотъ день поднялся большой плачь въ Іерусалимѣ, — плачь Гаадриммона въ долинѣ Мегиддонской. И рыдала земля, каждое племя особо: племя дома Давидова особо, и жены ихъ особо; племя дома Левіина особо, и жены ихъ особо; племя Симеоново особо, и жены ихъ особо. Всѣ остальные племена—каждое племя особо, и жены ихъ особо (Зах. XII; 10—14)“.

Отъ дней пророка Іереміа, оплакавшаго въ пѣсни плачевной Іосіа, отъ дней пѣвцовъ и пѣвицъ одновременно съ пророкомъ говорившихъ о царѣ въ своихъ плачевныхъ пѣсняхъ, вошедшихъ въ употребленіе у Израіля, протекло не два—три дня до писателя книги Паралипоменонъ, когда эти пѣсни были еще такъ хорошо извѣстны—вписанныя въ книгу плачевныхъ пѣсней. Прошли годы, десятилѣтія; прошло столѣтіе и болѣе, — а эти пѣсни, вошедшія въ употребленіе, были полны тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ, возбуждали тѣже воспоминанія, какъ и въ тѣ дни, когда поднялся большой плачь въ долинѣ Мегиддонской, распространившійся на Іерусалимъ и затѣмъ на всю Іудею.

Не знаемъ мы о томъ, въ какіе поминальные дни пѣлись эти плачевныя пѣсни,—исторія объ этомъ ничего не говоритъ. Прежде всего, конечно, онѣ пѣлись въ годовщину смерти Іосіа. Едва ли, однакоже, пѣсенное плачевное воспоминаніе этимъ только Мегиддонскимъ днемъ и ограничивалось. Вѣроятно были и другіе „дни нашего царя“ (Осіи VII; 5), когда вмѣсто радостныхъ ликованій слезами поминали павшаго великаго царя.

Въ очень глубокую старину, въ Судейскій періодъ, вошло въ обычай у Израіля, что ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Іефѳая Галаадитянина четыре дня въ году (Суд. XI; 39—40). Но мы опять ничего не знаемъ объ этихъ четырехъ дняхъ, — текли ли они послѣдовательно, безъ перерыва, другъ за другомъ, или же приурочены были къ извѣстнымъ днямъ цѣлаго годоваго круга. Не знаемъ и

того,—долго ли жилъ у Израиля этотъ обычай. Единичный случай не уясняетъ намъ ничего для событія Мегиддонскаго и его послѣдствій.

Судъ человѣческій въ большей или меньшей мѣрѣ пристрастенъ: и много осуждаютъ и много оправдываютъ подвліяніемъ подавляющаго, часто условнаго впечатлѣнія. Не тоже ли должны мы подразумѣвать, когда читаемъ сказанія о похоронахъ Іосіи и Іоакима?

Въ самомъ дѣлѣ, что значить этотъ плачь „особо, особо и особо“? Не нарушаетъ ли онъ цѣльности гармоніи общаго плача страны? Откуда такая, повидимому, рознь?

Въ какомъ бы смыслѣ ни объясняли толкователи выше приведенное довольно темное пророческое мѣсто объ „особыхъ плачахъ“ поименованныхъ и не поименованныхъ племенъ,—всѣ они согласны въ томъ, что это, такъ усиленно употребляемое пророкомъ слово „особо“ именно и свидѣтельствуемъ объ общемъ народномъ плачѣ, безъ всякихъ исключеній. И можетъ быть историческая правда, кроющаяся въ нѣсколько загадочномъ пророческомъ выраженіи „особо“, и состоитъ именно въ томъ, что весь цѣлый Іудейскій народъ, во всѣхъ его племенахъ, подвергннійся общему жестокому несчастію въ смерти Іосіи, оплакивавшій его Гададриммонскимъ плачемъ, въ тоже время чувствовалъ и сознавалъ, что каждое племя имѣетъ еще особую причину, чтобы оплакивать своего царя и вписать въ книгу плачевныхъ общихъ пѣсней свои особыя пѣсни, въ общенародный согласный хоръ внести индивидуальныя аккорды, не нарушающіе торжественнаго согласія въ выраженіи печали, а лишь восполняющіе этотъ хоръ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что ни одного племени — и поименованнаго и не поименованнаго — не просмотрѣло своимъ отчимъ благоволительнымъ взглядомъ око царя, ходившаго во всемъ путемъ Давида и не уклонявшагося ни на право, ни на лѣво (4 Ц. XXII; 2. Ср. 2 Ц. IX; 1). На всѣхъ, на всѣ племена изливались особыя его щедроты, смотря по ихъ нуждамъ. Если же это такъ, — то почему бы особые плачи благодѣтельствованныхъ племенъ не могли войти въ составъ общаго согласнаго плачевнаго хора Гададриммонскаго? Если племя дома Давидова, какъ царственное и первенствующее имѣло свои понятныя причины рыдать при общемъ несча-

сти: и племя Левіино, выразителемъ скорби котораго въ данномъ случаѣ является священникъ изъ Анаѳоѳа (Іер. I; 1), сподвижникъ царя въ его реформахъ (XI; 2—8),—могло имѣть свои особыя причины, чтобы плакать о немъ особо, не нарушая общаго согласія. Вотъ почему въ исторіи являются „оплакиваемые всѣмъ народомъ и каждымъ племенемъ особо“ и „не оплаканные никѣмъ“.

Однакоже было бы несправедливо предполагать, что одни лишь матеріальныя выгоды, полученныя тѣмъ или инымъ отъ того или другаго, влекли людскія сердца къ дорогой могилѣ и постоянно подновляли памятованіе. Равнымъ образомъ не одни обманутыя надежды эгоистическаго характера удерживали слезы при гробѣ, создавали холодныя и даже непріязненныя отношенія между подданными и царемъ. Евреи знали, что гнѣвъ царя—какъ ревъ льва (Пр. Сол. XIX; 12); но практическія соображенія и личные интересы не имѣли значенія и мѣста въ дѣятельности тѣхъ лицъ, которымъ свыше даны были и сила и право возвѣщать высшую правду, бóльшія силъ и правъ деспотически правящей власти. Облеченный такою силою и правомъ (Іер. I; 10), Анаѳоѳскій священникъ и пророкъ имѣлъ смѣлость говорить прямо: „думаешь ли ты быть царемъ, потому что заключилъ себя въ кедръ? Отецъ твой ѣлъ и пилъ; но производилъ судъ и правду, и потому ему было хорошо. Онъ разбиралъ дѣло богатаго и нищаго, и потому ему хорошо было (Іер. XXII; 15—16).

Конечно такая правда не находила себѣ благосклоннаго приѣма у тѣхъ лицъ, къ которымъ она была направлена. Высказывать ее значило часто жертвовать жизнію, что и случалось (Іер. XXVI). Но вѣдь насильственной смертію умиралъ только провозвѣстникъ людямъ высшей судящей правды; а сама правда—разъ она была высказана—оставалась жить, не смотря ни на какія попытки уничтожить ее. Записанная въ свитокъ, она не сгорала безъ остатка въ жаровнѣ Іоакима, а возобновлялась въ другомъ свиткѣ не только въ прежнемъ видѣ, но и съ прибавленіемъ многихъ подобныхъ тѣмъ словъ (Іер. XXXVI; 9—32). И съ привязаннымъ къ свитку камнемъ, она не тонула въ водахъ Евфрата, но всплывала въ свое время въ исполненіи предсказанной гибели городу насилія. (Іер. LI; 60—64).

Не смотря на религіозно-нравственное шатаніе, еврей-

скому народу не могла оставаться неизвѣстною высшая судящая правда особенно съ тѣхъ поръ, какъ Давидъ далъ псаломъ (1 Пар. XVI; 7) для славословія и вообще молитвенныхъ изліяній и этимъ величайшимъ по своему воспитательному въ отношеніи народа значенію актомъ вызвалъ къ живой дѣятельности рядъ другихъ религіозныхъ поэтовъ, которые, славя правду и милость Божию въ домѣ Господнемъ сотнями пѣвцовъ, дѣлали ее доступною сознанію народа (XXV; 6—7). Эта судящая высшая правда и милость должны были у евреевъ олицетворяться прежде всего въ теократическомъ царѣ.

„Кедровый домъ“ направлялъ главное теченіе народной жизни; здѣсь находился рычагъ, съ помощью котораго можно было идти и на право, и на лѣво; но имѣлась возможность и такъ направить жизнь, чтобы не уклониться ни на право, ни на лѣво.

Вотъ почему пророки обращали свои грозныя рѣчи такъ не рѣдко къ „кедровому дому“. Но, вѣдь, тотъ же „кедровый домъ“ отчасти и побуждалъ ихъ къ этому.

Изъ того же „кедроваго дома“ слышались въ инныя времена молебныя пѣсни его царственнаго обитателя, которыя рѣшительно не находили мѣста и приложенія при другихъ царственныхъ обитателяхъ. Вотъ изъ этого дома льется молитвенное прошеніе ея обитателя: „Боже! даруй царю Твой судъ, и сыну царя Твою правду. Да судить праведно людей Твоихъ и нищихъ твоихъ на судѣ. Да принесутъ горы миръ людямъ, и холмы—правду. Да судить нищихъ народа, да спасетъ сыновъ убогаго и смиритъ притѣснителя... Онъ сойдетъ, какъ дождь, на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія землю... Цари Фарсиса и острововъ поднесутъ ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары... Ибо онъ избавитъ нищаго, вопіющаго и угнетеннаго, у котораго нѣтъ помощника. Будетъ милосердье къ нищему и убогому, и души убогихъ спасетъ. Отъ коварства и насилія избавитъ души ихъ, и драгоценна будетъ кровь ихъ предъ очами его. И будетъ жить, и будутъ давать ему отъ золота Аравіи, и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его... Будетъ имя его благословенно во вѣкъ“ (Псал. LXXI).

Такого рода псалмы, обрисовывшіе идеаль теократичес-

каго царя, конечно „входили въ употребленіе у Израиля“, по крайней мѣрѣ въ лучшей его части. Что же удивительнаго, если пророкъ на голосъ, исходящій изъ кедроваго дома, обращалъ свой голосъ къ этому же кедровому дому? Будучи не въ силахъ удерживать въ себѣ откровенный ему голосъ—ибо онъ былъ какъ бы огонь горящій, заключенный въ костяхъ его (Іер. XX; 9)—пророкъ естественно обращалъ свои взоры туда, гдѣ созданъ былъ возможный идеаль теократическаго царя, туда направлялъ свои грозныя рѣчи: „думаешь ли ты быть царемъ, потому что заключилъ себя въ кедръ? Отецъ твой ѣлъ и пилъ; но производилъ судъ и правду, и потому ему было хорошо. Онъ разбиралъ дѣло бѣднаго и нищаго, и потому ему хорошо было“.

Едва ли можно указать болѣе благоприятный моментъ, чтобы образъ идеальнаго теократическаго царя глубоко запечатлѣлся въ памяти народной и сталъ критеріемъ при сужденіи о дѣйствительныхъ лицахъ, какъ именно время, наступившее послѣ смутныхъ дней Авессаломъ, Савея и Адоніи, не говоря уже о лицахъ второстепенной важности (2 Ц. XV—XX, 3 Ц. 1—11).

Можетъ быть въ горячемъ желаніи скорѣйшаго наступленія этихъ благословенныхъ дней — когда горы станутъ приносить миръ и холмы правду, когда услышанъ будетъ вопіющій и угнетенный, когда съ высоты трона будетъ изливаться милосердіе къ нищему и убогому, положены будутъ границы притѣснителю и, предъ очами сидящаго въ кедровомъ домѣ на престолѣ, будетъ драгоцѣнна кровь бѣднаго народа земли, проливаемая коварствомъ и насиліемъ и т. под.—народъ еврейскій при воцареніи Соломона такъ шумно радовался, что земля разсѣдалась отъ криковъ его (3 Ц. I; 40).

Дѣйствительность, конечно, не отвѣчала этимъ радужнымъ ожиданіямъ; но она и не разбивала ихъ окончательно. При каждой смѣнѣ царствующаго лица въ памяти обновлялись черты идеальнаго царя,—мы разумѣемъ конечно малую избранную часть народа.

Радуя сердца своихъ убогихъ земли, царь приближающійся къ данному идеалу, на столько владѣетъ расширеннымъ любовію сердцемъ, что въ немъ ни кому никогда не тѣсно (2 Кор. VI; 11—12). И въ кедровомъ домѣ его

чуткое для правды и мира ухо подслушивает смиренныя просьбы съ разныхъ сторонъ: „составь совѣтъ, постанови рѣшеніе; осѣни насъ среди полудня, какъ ночью, тѣнью твоею; укрой изгнанныхъ, не выдай скитающихся. Пусть поживуть у тебя мои изгнанные... будь имъ покровомъ отъ грабителя... И утвердится престоль милостію и возсядетъ на немъ въ истинѣ, въ шатрѣ Давидовомъ, судія ищущій правды и стремящійся къ правосудію (Ис. XVI; 1—5). И вотъ если какой-либо царственный обитатель кедроваго дома въ своей царской дѣятельности болѣе или менѣе осуществлялъ черты образа, созданнаго въ томъ же домѣ,— онъ тѣмъ самымъ вызывалъ къ себѣ благоговѣнное уваженіе и создавалъ о себѣ скорбную память. При его гробницѣ не только сжигали дорогія благовонія востока, погребали его въ царскихъ гробницахъ,—но и проливали всѣмъ народомъ, и каждымъ племенемъ особо горячія слезы.

Вотъ почему и память Іосіа въ теченіе столѣтій осталась живою, какъ составъ еиміама, приготовленный искусствомъ муроварника: во всѣхъ устахъ она будетъ сладка, какъ медъ и какъ музыка при угощеніи виномъ. Онъ успѣшно дѣйствовалъ въ обращеніи народа и истребилъ мерзости беззаконія, онъ направилъ къ Господу сердце свое и во дни беззаконныхъ утвердилъ благочестіе (Сир. XLIX; 1—4).

Минулъ слишкомъ годъ, какъ почилъ императоръ Александръ III-й. Жгучесть чувства скорби, обнаружившаяся при постигшемъ тогда всѣхъ насъ жестокомъ несчастіи, конечно, съ теченіемъ времени, какъ всякое напряженное человѣческое чувство, должна была до извѣстной степени ослабѣть. Но царская могила не охладѣла. Согрѣтая, лишь только она приняла въ себя дорогой прахъ, выраженіями сердечныхъ чувствъ въ различныхъ памятникахъ, возложенныхъ на нее отъ народовъ, племенъ, сословій и лицъ, движимыхъ долгомъ процѣтъ такую или иную свою особую плачевную пѣсню, эта могила не остываетъ подъ теплыми лобзаніями приходившихъ и приходящихъ къ ней отовсюду „даже до сего дня“¹⁾. Ее согрѣваетъ теплота чело-

¹⁾ 4 Дек. были возложены вѣнки на могилу Императора. М. Вѣд. въ № отъ 14 Дек. сообщаютъ, что въ началѣ Генваря прибудетъ депутація отъ Казанскаго учебнаго округа для постановки угроба почившаго Царя неугасаемой лампы.

вѣческаго сердца, включенная въ вѣнки, иконы, корону, хоругви и т. д., идущая и отъ холоднаго сѣвера, и отъ благодатнаго юга, и даже отъ далекой знойной Савы. Что именно сказалось къмъ во всѣхъ такихъ возложеніяхъ— это разумѣется тайна сердець, выражавшихъ каждое по своему свои чувства. Эти матеріальныя выраженія волновавшихъ и волнующихъ людей чувствъ, въ своей совокупности есть своего рода музыка безъ словъ, подъ звуки которой каждый изъ слушателей можетъ подкладывать свое собственное содержаніе. Уловляется лишь основной мотивъ, — мотивъ плачевной пѣсни; но только творецъ мертвыхъ знаковъ для возможнаго выраженія подвижнаго чувства можетъ знать ту индивидуальную черту, которую онъ желалъ вложить въ пѣсню безъ словъ—современную плачевную пѣсню. Замѣчена она будетъ въ общемъ реквиумѣ, или не замѣчена это для дѣла не существенно: существенно то, что участвуя въ общемъ плачѣ, „плакало племя особо“.

Но спрашивается, зачѣмъ мы оспариваемъ совѣтъ Сираха, говоримъ о знаменитомъ плачѣ Гададримиона, о плачевныхъ пѣсняхъ пѣвцовъ, когда среди насъ и вокругъ насъ..... все такъ обычно тихо? Тѣ первые немногіе дни были и—прошли.

Какія пѣсни, какіе поминовенно-плачевные дни вошли съ тѣхъ поръ въ употребленіе у новаго Израиля?..

Понятно само собою, что строй душевной жизни вообще сдержаннаго въ проявленіяхъ ея жителя сѣвера нельзя сравнивать съ строемъ жизни легко и сильно возбуждающагося южанина. Мы не станемъ „стричь кругомъ свою голову, не будемъ портить красовъ бороды, не рѣшимся ради умершаго дѣлать нарѣзовъ на тѣлѣ своемъ и накалывать письменъ“. (Лев. XIX; 27—28. Іер. ХLI. 5). Такія выраженія скорби, по Сираху, дѣйствительно, умершему не приносятъ пользы, а выражающему такимъ образомъ свою скорбь—вредъ. Для показнаго эффекта мы не будемъ звать плакальщицъ и посылать за искусницами въ этотъ дѣлѣ, чтобы онѣ подняли такой плачь, который вызываетъ изъ глазъ нашихъ льющіяся слезы и съ рѣсницъ нашихъ текущую воду (Іер. IX; 17—18).

Чужіи слезы, какъ слезы наемныя, не теплы и намъ не нужны. А свои собственные слезы, какъ бы онѣ ни были горячи, въ организмѣ человѣческомъ имѣютъ свою мѣру.

Самъ пророкъ скорби, печали и слезъ когда-то взывалъ: „о! кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ—псточникъ слезъ! Я плакакъ бы день и ночь... (Іер. IX; 1). Не горючей слезой, а тихой теплой молитвой мы можемъ замѣнить ветхозавѣтныя плачевныя пѣсни и рыданія. Мы не связаны силой обычая, „издревле вошедшаго въ употребленіе“,—обычая, который легко и скоро можетъ потерять свою душу—первоначально вложенное въ него содержаніе и оказаться простымъ и холоднымъ исполненіемъ одной формы.

Нѣтъ. Принявъ участіе въ общей скорби, при наступившемъ насъ жестокомъ несчастіи, мы при своемъ „особомъ“ плачѣ связаны уже заранѣе появленія повода къ такому особому плачу особою силою. Эта сила—нравственная обязанность благодарно памятовать того, кто своими дѣяніями, совершенными для общаго и сословнаго блага, помимо даже нашей воли долженъ воспоминаться нами.

Не одинъ день 20 октября есть „день нашего царя“. Это—день всероссійскій и даже болѣе того. И этотъ день есть конечно день священный для всѣхъ насъ, безъ исключенія и раздѣленія, напоминающій о великой потерѣ и побуждающій къ теплой молитвѣ и воспоминанію „о дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ“, изливавшихся безразлично на всѣхъ и каждого за время его непродолжительнаго царствованія.

Но въ календарь новозавѣтныхъ левитовъ по самой сущей справедливости, должны быть внесены памяти „о дняхъ преимущественно ихъ—левитовъ—царя“. Такіе дни „должны остаться незабвенными въ умахъ и сердцахъ духовенства въ роды родовъ“. Это—день 28 Декабря 1892-го года, 26 Февраля 1893 и 25 Юля 1894 года.¹⁾

Въ самомъ дѣлѣ съ этихъ важныхъ для нашего левитства дней и вступающій на дѣйствительную службу учащій левитъ—священникъ и кончающій такую службу, волею-неволею будетъ припоминать опредѣляющія его судьбу слова милости, вышедшія изъ кедроваго дома: не остался ли кто-нибудь? Я оказалъ бы милость (2 Ц. IX; 1). „Буду исполнѣ

1) Первый изъ этихъ дней есть день утвержденія ассигновки суммъ изъ Государственнаго казначейства для воспособленія бѣдному сельскому духовенству; во второй положена Царская резолюція на благодарственномъ адресѣ Св. Синода; въ третій увеличена пенсія наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній при выходѣ ихъ со службы въ отставку.

радъ, когда Мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство“. И было бы крайнею неблагодарностью, если бы эти дни не „вошли въ употребленіе“, какъ такіе дни, когда въ замѣнъ плачевныхъ пѣсней объ умершемъ возсылаются теплыя молитвы къ живому Богу о дарованіи милости царю, оказавшему милость къ служителямъ алтара и духовной науки.

Книга плачевныхъ пѣсней о нашемъ, такъ рано почившемъ государѣ, еще не закончена; отдѣльныя пѣсни пѣвцовъ и пѣвицъ все еще снова и снова раздаются при его могилѣ. Все подаетъ надежду думать, что долго и горячо будетъ памятовать страна свою потерю и „дни царя“ будутъ читаться молитвенно всѣми тѣми племенами, на которыя излиты были при жизни его щедроты. Но если кому всего ближе и естественнѣе продлить дни скорби объ умершемъ и памятовать о немъ, по совершенно справедливому выраженію адреса св. Синода „въ роды родовъ“,—то это конечно племени дома Левіина. Безземельный, а потому и безкровный левитъ, еще такъ недавно принуждаемый тяжелыми житейскими условіями кланяться изъ за горы серебра и куска хлѣба и униженно говорить: причисли меня къ какой-либо левитской должности, чтобы имѣть пропитаніе (1 Ц. 11; 36.), ходить съ мѣста на мѣсто, чтобы пожить гдѣ случится и при этихъ переходахъ, иногда претерпѣвая величайшія оскорбленія (Суд. XIX.), продавать состоятельному беззаконнику себя и свою левитскую совѣсть за десять сиклей серебра въ годъ, потребное одѣяніе и пропитаніе (XVII; 8—10),—этотъ самый левитъ, принижаемый и тѣснимый, можетъ съ правомъ опираться на „царское слово“ и—мало требовательный—противъ всякихъ искушеній и даже давленій съ спокойною совѣстію говорить и другимъ и себѣ: „уста священника должны хранить вѣденіе и закона должны искать отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ Господа Саваоа (Мал. 11; 7)“.

А этимъ проясненіемъ и укрѣпленіемъ въ себѣ справедливаго сознанія своего левитскаго призванія—кому обязанъ онъ, какъ не почившему императору? Вотъ почему обязателенъ для племени дома Левіа особый плачь; обязательно вѣчное молитвенное памятованіе объ Александрѣ III-мъ. Вѣчная ему память.